

ПИСЬМА ИЗ БОЛЬШОГО ГАДЮКИНА или Жизнь как она есть

Об «отдельных» фактах антиобразовательной политики

Марк Поташник,
действительный член (академик)
Российской академии образования,
профессор, доктор педагогических наук

Свет и во тьме светит,
И тьма его не объемлет.
Евангелие от Иоанна 1:5

Представленный ниже текст оставляет тяжёлое впечатление от того, что происходит в российском образовании, и у читателя может создаться впечатление, что автор специально подобрал только негативные материалы и потому они якобы не отражают всей реальной картины.

Я — научный работник, учёный, и у меня нет никакой власти, никакого административного ресурса, я ничего не могу исправить. Это должны понимать авторы писем. Но всё равно пишут и пишут. Видимо, как говорят, точка кипения достигнута, видимо, боль и возмущение уже невозможно удержать в себе, и они выплескиваются через край. И это голоса реальных работников школ, а потому, я считаю, они должны звучать и быть услышанными теми, от кого зависит решение проблем в образовательной сфере.

Если бы были другие письма, я бы их с радостью опубликовал под заголовком, например, «Послания из города Солнца». Но таких посланий почему-то нет.

Конечно, неприятно фиксировать внимание на мрачном. Человеку свойственно отвращение к безобразному. Но ведь мы уже жили в стране, где всё плохое скрывалось...

Большое Гадюкино — это, разумеется, название не конкретного населённого пункта (хотя оно взято из последнего письма), а собирательный образ, которым можно назвать любое село, город, область, край, республику, где тяжело и безысходно живут и работают педагоги, приславшие и не приславшие свои письма.

Письмо первое

Учителям в нашей области ввели новую систему оплаты труда. Денег мы пока не увидели, но в школе заставляют сидеть до 17.00.

Теперь у всех учителей 40-часовая рабочая неделя. Тетради на работе прове-

рять не разрешают, говорят, что за это вам платят отдельно, проверяйте их дома.

А в нашей сельской школе нет туалета, столовой, пообедать негде, и сидим мы голодные и злые. Состояние полной безысходности.

К урокам подготовиться нельзя, так как методическая литература находится дома, сделать дидактический материал к уроку тоже нет возможности — компьютер всего один в школе, к нему — очередь из учителей.

Оставляем учеников для дополнительных занятий, а они после пяти уроков устали, уходят домой, от школы живут далеко, и потом уже не приходят.

Скажите, что, уже отменено постановление Правительства № 191 о почасовой оплате труда? Почему, если я веду 23 часа, то по новой системе получаю такую же зарплату, как и те, у кого нагрузка 15 часов?

Нам говорят — это эксперимент. От таких экспериментов над людьми становится тошно.

И ещё. Нам сказали, что в стране будет введено подушевое финансирование из расчёта определённой суммы, которая выделяется школе на каждого ученика. Так это выгодно только большим по численности городским школам, а для сельских малочисленных — это погибель.

Вот Вы там в Москве живёте. Неужели в нашем Министерстве образования всего этого не понимают? Может, передадите им как-то.

Письмо второе

Здравствуйте, Марк Максимович!

В своих лекциях и книгах Вы говорите и пишете, что нам необходимо определять ценностные основания содержания учебного материала, помогать детям искать личностный смысл в уроке, другие учёные говорят нам о необходимости овладеть компетентностным подходом и т.д. Видимо, все вы правы. Но как вы не понимаете: чтобы всё это освоить, нам нужно не думать о куске хлеба для себя и детей.

Вот у меня полторы ставки (больше и сил нет, и будет вынужденная халтура), первая квалификационная категория, зарплата 7 500 рублей в месяц, двое детей-подростков, которых рашу, как и многие мои коллеги, одна. Плачу за свет, воду, телефон, налог на землю. Пытаюсь хоть что-то отложить для расчёта с долгами и купить одежду для детей (растут же). Почти ничего не остаётся. Булка хлеба стоит у нас 15 рублей, пакет молока — 35 рублей. Только на эти два продукта мне нужно, чтобы накормить всех, 3 000 рублей в месяц. За уголь (в нашем селе газа нет) нужно 9000–10000 рублей в год. Откуда же их взять? Только в долг. А если, не дай Бог, дети или я заболем, то нужны лекарства. Любой антибиотик — это не меньше 400 рублей. Где их взять? Вот так и боюсь в надежде выжить без лекарств. А если... Страшно подумать.

Из всех СМИ я постоянно слышу, что экономика России развивается, поступления в бюджет растут, люди стали жить лучше, их зарплата повышается, правительство уверяет, что следит за инфляцией, за уровнем жизни народа. Слышу и думаю: я, наверное, к этому народу не отношусь.

Власти всё пекутся о том, чтобы Европе нашего газа хватило, чтоб не замерзли там, что ежегодно газифицируются тысячи населённых пунктов, но на нас этих труб и газа не хватает, мы топим углём, что в пятнадцать раз дороже. А моим детям и сладкого хочется, и кусочек мяса хоть иногда, и одежду помоднее. Но я не могу им это обеспечить.

Не ратую за возвращение советских времён. Но где элементарная справедливость? Ведь дети видят, как я выбиваюсь из сил. Видимо, наверху не знают, как живёт народ, как живут сельские учителя.

Скажешь, что зарплата нищенская, начальство отвечает: «У нас рынок. Не нравится зарплата — уходите. Другие придут». Скажешь вслух правду — уволят и не поперхнутся даже.

Верховные власти говорят, что борются с бедностью. Я не понимаю, как они это делают, если у меня — учителя — такая зарплата при перегрузке уроками. И это в большом селе, в большой школе. А в малочисленных школах у учителей — три-четыре тысячи рублей в месяце.

Я всё время слышу, что на развитие образования в текущем году из госбюджета выделено сколько-то миллиардов рублей — больше, чем прежде. Я никак не могу понять (увидеть), где эти миллиарды? Почему ни я, ни школа, где я работаю, никакие другие школы нашей области этих денег, этих вложений не ощущают? Да, задержек зарплат не стало — это верно, но то, что платят, — на это прожить невозможно.

Как тут не вспомнить знаменитое возмущение:

«Если бы вы знали, как необходим хороший, умный, образованный учитель. У нас в России его необходимо поставить в какие-то особенные условия, и это нужно сделать скорее, если мы понимаем, что без широкого образования народа государство развалится, как дом, сложенный из плохо обожжённого кирпича. Учитель должен быть артист, художник, горячо влюблённый в своё дело, а у нас — это чернорабочий, плохо образованный человек, который идёт учить с такой же охотой, с какой пошёл бы в ссылку. Он должен быть первым человеком, чтобы мог ответить на все вопросы, чтобы все черпали в нём силу, достойную внимания и уважения, чтобы не мог орать на него тот, кто носит звание инспектора школ, но заботится не о лучшей

постановке образования, а только о тщательном выполнении циркуляров.

Нелепо платить гроши человеку, который призван воспитывать народ, — вы понимаете? — *воспитывать* народ! Отвратительно всё это. Какое-то издевательство над человеком, который делает большую, страшно важную работу». Это А.П. Чехов, 1902 год.

Не правда ли: впечатление такое, что это написано не в начале XX, а сейчас — в начале XXI века, — настолько сказанное А.П. Чеховым злободневно для России и сегодня. А ведь прошли три революции, две мировые войны, двадцать семь съездов КПСС, перестройка... и в отношении к учителям ничего к лучшему в России не изменилось.

Письмо третье

После окончания педагогического университета, куда я поступила сразу после школы по медальной льготе, пошла работать в школу. В руках был красный диплом (с отличием), настроение было хорошее, уйма планов, идей, желание хорошо работать — учить и воспитывать детей. Директор привела меня в кабинет истории, чтобы познакомить с учительницей, которая здесь до меня работала. Это была, как меня предупредили, одна из лучших учителей школы и района. Директор сказала: она надеется, что я продолжу созданную этой учительницей традицию уважительного отношения к истории, которая была культовым предметом в школе. Директор тоже была историком и тоже в этом же кабинете вела свои уроки.

В кабинете (вы не поверите!) висели портреты В.И. Ленина, других революционеров, хранились материалы, в которых восхвалялись «преимущества» социализма и коммунизма и всё было пропитано духом большевизма и даже чекизма.

Увидев удивление на моём лице (2008-й год всё-таки), директор с надеждой сказала: «Храните всё это. А вдруг оно вернётся».

Поняв, что я не разделяю эти взгляды, моя прежняя коллега добавила уже абсолютно убеждённо и твёрдо: «А я верю, что всё это обязательно вернётся. Вот вспомните, Вы же историк, что было в России в начале XX века: точно, как и сейчас, монархическая Дума, частная собственность, капитализм, всевластие чиновников (не партийных, а государственной бюрократии), отсутствие возможности осуществлять избирательное право при том, что формально оно существовало, практический запрет на выражение альтернативных политических взглядов, ничем не ограниченная власть тайной полиции (в начале XX века обыватели больше боялись городских, чем преступников, как и сейчас — милиции). И чем отличается тогдашняя казачья сотня, разгонявшая мавку рабочих, от нынешнего ОМОНа, дубинками разгонявшего «мари несогласных»? А что было потом? Вспомните, чем всё закончилось в России в начале XX века, и Вы поймёте, что мы правы. Так что вполне стоит надеяться, что всё ещё вернётся».

Через полгода я поняла, что изначально была «белой вороной» в коллективе, что была обречена на непонимание и враждебность. Меня стали клеветать, третировать, пакостить, выживать, открыто враждовать и даже презирать. После окончания учебного года я из школы ушла. Не из этой, а вообще из школы. Осуждаете меня? Но ведь никто меня даже не попытался удержать, оттановить. Мне просто выдали документы.

Хорошим учителем мне не дали стать, а таким, как они, я быть не захотела. Работаю теперь в венчурной компании, среди современных людей. И общение интересное, и в деньгах не нуждаюсь.

А за Вашу рецензию на мою дипломную работу, где Вы написали, что автор — несомненно творческий человек с большим запасом креативности, спасибо. В венчурной компании без способности к творчеству ра-

ботать невозможно. Так что я не знаю, кто больше потерял: школа или я, оттого что ушла из учителей.

* * *

Я намеренно предоставляю читателю возможность самому решать, кто в этой истории прав, а кто нет. Но совершенно очевидно, что у наставников молодёжи (учителей, родителей прежде всего) расколотое сознание, невыстроенные, а то и противоречащие друг другу ценности; из-за разницы в мировоззрении творческие люди вынуждены уходить из школы; принципиальные жизненные позиции враждебны...

Письмо четвёртое

Уважаемый Марк Максимович!
Раньше, когда я был директором школы, если мне с хлебозавода, из военкомата, управления теплосетей, фирмы по вывозу мусора, комитета по молодёжной политике присылали по нескольку раз в год запросы с требованием предоставить копию Устава, лицензии на образовательную деятельность и т.п., я писал ответный запрос с предложением сначала предоставить то же самое от своих учреждений и ещё документ, где бы им предоставлялось право требовать от школ то, что они хотят получить. Для умных управленцев это был конец безумным требованиям, и работа продолжалась в нормальном, цивилизованном русле.

Сейчас же чиновничество обнаглело. Я стал начальником Управления образования и, чтобы оградить школы от ненужной переписки, ответил всем, кто мучил школы надуманными требованиями о предоставлении справок, отчётов, информации: «Запрашиваемые вами данные официальной статистикой не предусмотрены». Что тут началось!

Угрозы проверками, методами прокурорского реагирования, обвинения в разрушении аж государственной вертикали власти, только в государственной измене не обвинили...

И вот что показательно: истинные результаты работы Управления и школ никого не интересовали, хотя уровень знаний учащихся школ — лучший показатель в области, с воспитанием более или менее в порядке — отсева нет, детской преступности и беспризорности нет, жалоб родителей нет, нарушений финансовой дисциплины нет, инновации разрабатываются, престижные конкурсы выигрываем, гранты на развитие получаем, текучесть кадров меньше, чем в других районах и т.д.

Чиновники стали устраивать провокации: то грязные слухи обо мне распускают, то намекнут директорам, чтобы на меня в их инстанции жалобы написали, то извратят факты, то хоть и косвенно, но пытаются вредить членам моей семьи... И все это только чтобы отомстить мне за моё стремление к самостоятельности, к разумности в управлении, всё только для того, чтобы сломать меня, чтобы я сорвался, совершил ошибку, за которую меня можно было бы наказать или уволить, а ещё лучше для них — посадить. И все они... государственные(!) служащие.

Получается: если бы я и школы сдавали по их требованиям все бумажки, то я был бы хорош, какими результаты работы школ ни были бы, даже если вся муниципальная образовательная система была бы на грани распада.

Письмо пятое

Я и моя сестра — обе мы закончили педагогический университет, стали учителями. Старшая сестра — учителем иностранного языка, а я — математики. Жизнь сложилась так, что сестра вышла замуж за москвича и уехала жить в столицу.

А я вышла замуж за местного и осталась жить в посёлке в 200 км от областного центра за Уралом.

Мы с сестрой дружны и постоянно общаемся. Зарплата в школе сами знаете какая, и сестра ушла из школы в коммерческую фирму, коих в столице оказалось очень много, а люди со знанием иностранного языка там востребованы. Зарплата стала у неё в разы больше, и я за сестру была очень рада.

Но вот тут получила от неё письмо, где она сообщает, что на начало учебного года в Москве якобы не хватало около тысячи учителей иностранного языка, и власти приняли решение сначала вдвое (проблема не была ликвидирована), а затем втрое поднять зарплату именно учителям иностранного языка, и таким образом проблема нехватки кадров учителей была решена. Сестра со смущением пишет, что вернулась в школу и стала получать около... ста тысяч рублей в месяц, что ей неудобно передо мной и учителями других предметов своей школы. Если бы это писала не моя родная сестра, я бы не поверила, что учитель в России может получать ежемесячную зарплату, сопоставимую с... премией Президента России.

Конечно, у меня возникло много вопросов, поскольку хочется понять политику властей по отношению к учителям страны.

С одной стороны, я рада, что хоть кому-то из моих коллег стали платить нормальную зарплату, на которую можно жить, а не выживать.

С другой стороны, понимая, что справедливость реально не может быть абсолютной ценностью всегда и везде, что конкретная ситуация может потребовать и небезупречных, с точки зрения справедливости, решений, всё-таки ни мозг, ни душа не могут принять и понять совершенно аморальную,

обижающую и разобщающую миллионы учителей, порождающую зависть и другие низменные чувства ситуацию. Меня возмущают два аспекта.

Во-первых, в чём моя вина, что судьба распорядилась мне жить и работать в депрессивном регионе, в земле которого нет нефти, газа, угля, золота и алмазов, где разрушены промышленность и сельское хозяйство, а потому очень маленькие отчисления в бюджет области, из которого выплачивается мизерная зарплата учителям? Чем виноваты мои дети?

Кто придумал такую политику, чтобы зарплата учителям выплачивалась из регионального, а не из федерального бюджета? Разве это не ошибочная политика, когда за одну и ту же работу в государственных учреждениях (коими являются школы) государство платит людям зарплату, отличающуюся в десять раз: у меня — 7 тысяч рублей, а у учителя моего же предмета в регионе-доноре, при том же числе часов и учащихся — 70 тысяч рублей?

Почему мне за классное руководство доплата составляет 1 (одну) тысячу рублей, а моей сестре-москвичке — 14 (четырнадцать) тысяч рублей? Или я не гражданка той же страны? Выходит, что неполноценная гражданка. Как такое неравенство можно понять и принять?

Во-вторых, почему я — учитель математики, обучая полные классы по 25–30 человек, получаю 7 тысяч рублей, а учитель иностранного языка, у которого класс делится на подгруппы, то есть он работает с 12–15 учащимися, получает в Москве 100 тысяч рублей? Только потому, что он живёт в Москве? А ведь качество работы школы определяют прежде всего по результатам обучения математике; тесты, ЕГЭ проводят прежде всего по математике, степень требовательности, взыскательности по отношению к математикам в разы выше, чем к учителям иностранного языка.

Скажите мне, где, в какой ещё стране так относятся к людям? Как я могу уважать

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

своё государство, если я подвергаюсь такой дискриминации, тружусь в условиях такого социального неравенства людей, делающих одну и ту же работу? Объясните мне и сотням тысяч других российских педагогов такую образовательную политику.

Если бы это было в частных фирмах, то вопросов нет. Но ведь все учителя — это же нанятые государством люди для работы в государственных школах. И за высокое качество работы государство спрашивает одинаково со всех учителей, а платит по-разному и не по показателям качества работы, а по тому, кто и где живёт и какой предмет преподаёт.

Какое-то издевательство над людьми, над здравым смыслом. Ощущение какого-то узаконенного произвола и гадкого отношения к учителям.

Письмо шестое

Три года назад меня пригласили на работу в престижную английскую спецшколу, предварительно разузнав, какой я учитель. Зарплата стала высокой, дети здесь отобранные, мотивированные, могут хорошо учиться, родители культурные. Чего ещё желать, особенно если сравнить с той школой, в которой я работала прежде, где и с детьми, и с родителями, и с зарплатой были вечные проблемы, как в большинстве российских школ.

Директор в спецшколе представительный, безупречно одет, лохотный, щеголеватый. Я привыкла считать, что все директора школ — люди обязательно высококонрастные, честные, и иначе не бывает.

Но тут был вечер окончивших спецшколу в разные годы, потом банкет для всех и в узком кругу (в кабинете директора), куда как-то случайно

(попросили нарезать бутерброды) попала и я. Шампанское, фрукты, закуски — всё как обычно. Директор сидел рядом и какое-то время беседовал с одним из выпускников. Они, как я поняла, для деловых звонков обменялись визитками, и тут я случайно услышала их разговор:

— О! Вы стали кандидатом наук?! — восторженно сказал бывший выпускник директору, посмотрев в визитную карточку.

— Да..., — как-то небрежно ответил директор, — купил себе ученую степень за десять кусков зелёных именно для... визитки.

Я обомлела, ибо по наивности считала, что диссертации готовят, чтобы развивать науку и практику, что подготовка диссертации требует новых идей, эксперимента в школе, работы по анализу, обобщению и написанию научного исследования, публичной защиты и т.п. Но чтобы такой труд и для визитки...? Но даже если и не труд, а покупка, то десять тысяч долларов для работника образования — очень большая сумма. Не хотелось верить, что диплом кандидата наук был куплен, и я решила это проверить. Пошла в педагогическую библиотеку и по электронному каталогу быстро нашла автореферат диссертации своего директора. Диссертация недавно «защищена», и в реферате подробно было написано о тех экспериментах, которые якобы проводились в нашей школе, названы контрольные и экспериментальные классы. Но я-то знала: на самом деле никаких экспериментов в этих классах не было, я же в этих классах работаю, и ничего такого мы не делали и никаких сравнительных данных не представляли, никаких инноваций не осваивали, никаких гипотез не проверяли. Диссертация действительно была «липовой» (диссертация означает исследование, а его не было), а диплом кандидата наук — фиктивным.

Я была уверена в том, что о защите нашим директором диссертации в школе

никто не знал. Своими сомнениями я поделилась с коллегой, которую считала приятельницей.

— Ну, и что тут такого? Все знают, что ему за деньги написали диссертацию, — спокойно сказала она. — Учёная степень нужна директору для связей, для решения проблем школы.

— Так ведь она фиктивная! — продолжала удивляться я.

— Ну и что? А у всех глав администраций городов они настоящие? Мода такая пошла, и все, кто во власти, захотели стать кандидатами и докторами наук. Ты слышала где-нибудь о публичной защите диссертации хоть одного из них?

Мысли вернулись к нашему директору. Мне стало гадко на душе.

— Но ведь он же директор не магазина, а школы! — не унималась я. — Мы же учителя, воспитываем детей, а директор — ещё и учитель учителей. Я ведь его уважать должна. А как уважать, если я такое о нём знаю? И как мне учить детей, если перед ними такие «образцы» жизни руководителей школы?

— Не забивай себе голову ненужными рассуждениями. Жизнь сейчас такая стала и страна такая. Лично ты же ни в чём не сжульничала.

А я думаю, что сжульничала, если бы продолжала работать под руководством человека, купившего себе ученую степень. И я ушла из этой «хорошей» школы, которая рано или поздно превратилась бы в гадючник, а я — в одного из его обитателей. Вернулась в свою прежнюю школу. В ней было труднее работать, но душевно комфортнее. А в специколе, когда я узнала её изнутри, мне стало невыносимо.

— Уж слишком ты совестливая, — сказала мне на прощанье коллега.

*Как будто совести может быть много.
Она либо есть, либо её нет.*

*Когда я вспоминаю тот год, когда ушла
в спецшколу, у меня возникает ощущение,
будто я вступила ногой в ...*

И теперь каждый раз, когда еду на работу, смотрю на стоящих в метро людей с объявлением «Дипломы, аттестаты», а внутри вагонов над дверьми висят объявления, из которых следует, что открыто продаётся всё: дипломы, аттестаты, больничные листы, водительские права, талоны техосмотра для автомобилистов, регистрация, медицинские книжки, любые удостоверения.

Я всё это видела и раньше (с начала нашей перестройки), но наивно считала, что эти «услугами» не пользуются. А теперь поняла, откуда в стране столько бед: люди, не окончившие школу, не учившиеся в вузе, не защищавшие диссертаций, а купившие себе аттестаты и дипломы, руководят нами, «лечат» в клиниках, сидят за рулём неисправных автомобилей, работают в торговле (будучи инфицированными), судят, не имея юридического образования...

И ведь правоохранные органы: милиция, прокуратура, ФСБ, следственный комитет знают об этом, а разворошить, уничтожить всё это гадючье гнездо не стремятся.

Письмо седьмое

Вы спрашиваете, почему я так враждебно и непатриотично назвала село, в котором живу и работаю, — «Большое Гадюкино». Да потому, что люди, которые здесь обитают, в большинстве своём делают большие пакости друг другу, чем добра.

Я сорок лет проработала в школе. Добросовестно учила и воспитывала детей только хорошему. Сорок лет первая приходила на работу и последняя уходила из школы, не жалела себя, всю себя отдавала детям.

И что я вижу сейчас: всё это было бессмысленно и бесполезно. Прежде всего, воруют

у нас в селе везде: на фермах, на небольших заводиках, в садах и огородах, даже соседи друг у друга.

К нам в школу направили молодого специалиста — девушку — после окончания педагогического колледжа, учительницу начальных классов. Она выпивает, приходит на работу с голым животом. В открытом для обозрения пупке — кольца. Мы ей про приличия, про офисную одежду в детском учреждении, а она нам: «В чём хочу — в том хожу. У нас демократия, и вы мне не указ». Чему может научить такая, с позволения сказать, учительница?»

И даже это не самое ужасное.

Мои бывшие ученицы беременеют, не помня от кого, были случаи, когда младенцев выбрасывали на помойку. Это ли не деградация, это ли не дно?»

Грязь и мерзостная запущенность у нас не только в общественных сортирах, но и в душах многих людей.

А Вы мне говорите, что называть своё родное село Большим Гадюкином непатриотично. А как его ещё назвать?! Содом и Гоморра? В кликушестве обвините? Но у меня нет других слов, если всё это творится в селе, в школе, в стране! И я не знаю, что со всем этим делать!!!

* * *

У читателя прежде всего возникает естественный вопрос: «Неужели те, кто управляет образовательной отраслью в стране и регионах, ничего не знают обо всём, изложенном в письмах?».

Конечно, знают — уверенно утверждаю я. Показывал этот текст до публикации многим людям из власти, и все они говорили, что им эти факты известны.

«Так почему же всю эту мерзость допускают?» — изумлённо спросят авторы писем.

Ответ на этот вопрос давно дал наш мудрый соотечественник, которого мы справедливо называем «Это наше всё»:

Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман.

А теперь вернёмся к вопросу, с которого начали: «А объективно ли отражают эти письма то, как живут и в какой атмосфере работают учителя России?». Конечно, ответы на эти вопросы у всех будут разные, но с большой долей вероятности их можно будет разделить на две группы.

Учителя, завучи, директора школ поддержат публикацию, назовут уйму ещё более вопиющих фактов, чем приведённые, и будут утверждать, что материал абсолютно объективен.

Чиновники разных рангов будут также убеждённо и страстно возражать, утверждая, что материал подобран тенденциозно и необъективно, ибо в российском образовании, наряду с недостатками (обратите внимание на то, что называют недостатками), очень много хороших школ, в ряде регионов у учителей вполне приличные зарплаты и большинство учителей России изначально (априори) исключительно нравственные люди. А представленное в письмах — это, как говорят, отдельные, случайные, нетипичные и самое главное — редкие факты, которые, конечно, не характеризуют систему в целом. Самым главным аргументом станут высказывания о приоритетном национальном проекте «Образование», миллионных грантах, миллиардах рублей, выделяемых на образование.

Этим вторым — апологетам образовательной политики — ответу хоть и дипломатичной, но всё же, заметим, трагической аналогией. В 1905 г. российский флот проиграл японцам цусимское сражение, хотя имел в своём составе достаточное количество быс-

троходных кораблей, как и японцы. Одной из главных причин поражения было то, что в составе российской группировки были и старые — тихоходные корабли, и вся эскадра по правилам ведения морского боя должна была ориентироваться на эти тихоходные корабли и передвигаться с их скоростью, что предопределило не просто поражение, а полный разгром флота, гибель кораблей и тысяч людей, тяжкий плен для многих моряков, необходимость вести унизительные переговоры с Японией.

Ответ может быть и не столь дипломатичным, но от этого не менее справедливым и адекватным. Кому не известно, что ложка дегтя делает непригодной для употребления даже бочку мёда. В нашем случае — **бочка дегтя** и всего лишь **ложка мёда**. Качество жизни учителей нужно определять не по меньшинству, которому и денег платят достаточно, и относятся с уважением, а по большинству, которое живёт в унижении.

Есть и серьёзный объективный аргумент — управленческий: если нет обратной связи, то управление становится слепым, а ошибки множатся. Да, все эти письма разные и о разном, но в совокупности они раскрывают типичные проблемы, без решения которых система образования не будет развиваться, и потому проходить мимо них, не замечать их опасно и для страны, и для учителей, и самое главное — для детей. Даже если кто-то назовёт приведённые в письмах факты «отдельными недостатками», они всё равно останутся тем, чем являются на самом деле — системными ошибками, а такие ошибки рано или поздно приводят к тому, что описано в трагической аналогии.

* * *

А теперь я прошу читателей вернуться к эпиграфу статьи. Люди, написавшие эти письма, и есть тот свет и надежда, если большинство из них, несмотря ни на что, работают в школе. **НО**